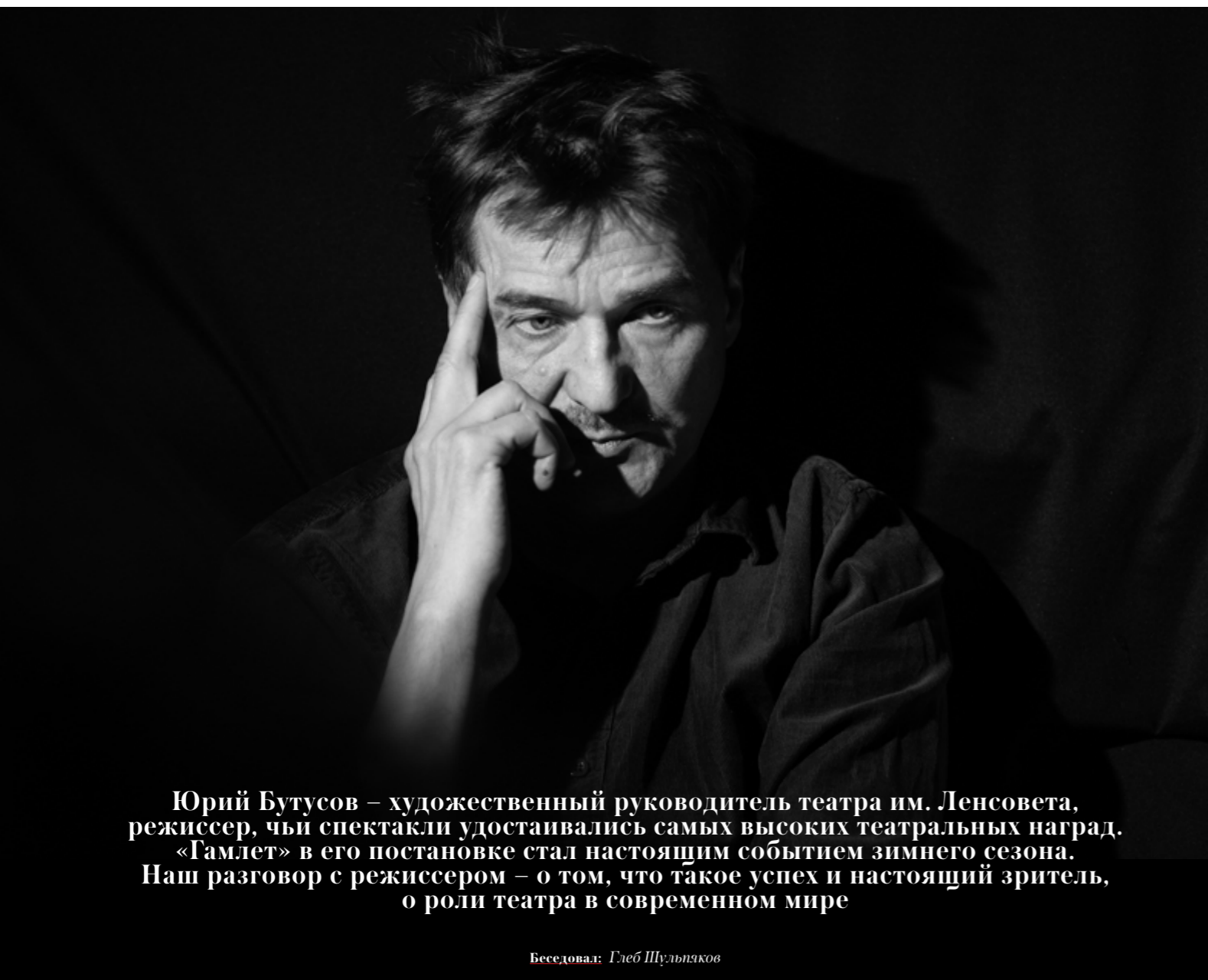

Юрий Бутусов:

«Открытие личности – самая важная задача театра»

Юрий Бутусов – художественный руководитель театра им. Ленсовета, режиссер, чьи спектакли удостоивались самых высоких театральных наград. «Гамлет» в его постановке стал настоящим событием зимнего сезона. Наш разговор с режиссером – о том, что такое успех и настоящий зритель, о роли театра в современном мире

Беседовал: Глеб Шульпяков

«Побег и есть творческое состояние. Когда ты один и приходят нужные мысли о сути жизни»

– Я слышал, вы любите путешествовать, а к аэропортам и вообще испытываете особые чувства.

– Это правда, я часто летаю, и только вчера прилетел из Сеула, и очень люблю это промежуточное состояние перед полетом. Я всегда стараюсь приехать в аэропорт заранее, чтобы провести там побольше времени. Для меня это состояние абсолютной свободы. Тебя как бы нет. Наступает внутренняя тишина.

– Это творческое состояние или это побег?

– Побег и есть творческое состояние. Когда ты один и приходят правильные, нужные мысли о сути жизни.

– Одна актриса вашего театра сказала как-то, что вы самый смешной человек на свете. Как бы вы описали себя по темпераменту? Вы легкий, депрессивный, открытый, сомневающийся...

– Думаю, все эти слова подходят ко мне. Я бы сказал, что я легкий человек с быстро меняющимся настроением. Не уверен, правда, что многие с этим согласятся.

– В 90-х я очень любил театр, но потом на много лет он перестал существовать для меня. Вы стали тем режиссером, который вернул меня в театр. Вам часто говорят об этом ваши зрители?

– Да, бывает, и для меня это важно. Я в такие моменты испытываю чувство необходимости того, что я делаю.

– А чувство ответственности? Не пугает?

– Не пугает, я люблю ответственность. Она не зажимает и не сковывает, как многие думают, наоборот, она помогает человеку развиваться. Театр такая вещь, которая делает жизнь не только интереснее и светлее, но и ответственнее.

1. В. Добронравов в роли Хлудова. Сцена из спектакля «Бег» в театре им. Вахтангова

2. «Барабаны в ночи» – постановка в театре им. Пушкина. Та самая ремарка. В главных ролях (слева направо) Т. Трибунцев, А. Матросов и А. Урсуляк

– Алексей Бородин, худрук РАМТа, ответил на вопрос, зачем люди ходят в театр, он сказал, что театр избавляет от одиночества. Как вы считаете?

– Абсолютно согласен. Театр дает чувство соборности, это своеобразная религия. Чувство приобщенности друг другу – важнейшее, и особенно для русского человека. К тому же театр это великие имена, авторы, которые поднимают нас над самими собой, делают нас выше. Когда мы приходим в театр, мы понимаем, что наша жизнь имеет смысл.

– Кто же тогда бог в этой религии?

– Театр.

– Расскажите о тех спектаклях, которые открыли вам театр. Позволили понять его суть.

– Таких спектаклей немало было. Ну вот я помню... Был такой спектакль Товстоногова «Жестокие игры», он не считается самым лучшим, но с этим спектаклем в меня что-то вошло. Там персонаж Кай был таким болезненно-одиноким, и так совпал со мной, что я как бы «включился». Потом «Тиль» Захарова. Это вещь романтически-эмоционального характера, после нее я просто влюбился в театр, в музыку. В сплав, который создавал Захаров. Я считаю «Тиль» куда более важным и точным для себя спектаклем, чем «Юнона и Авось». Потом были спектакли Аркадия Райкина, и это было еще одно открытие театра. Я понял, какое огромное значение имеет личность в театре. Фоменко и его вязь, его великий спектакль «Семейное счастье». Гинкас с «Записками из подполья», и Някрошос, и атмосфера и сила до-

динского театра, все это, конечно, повлияло на меня.

– Вы ставили спектакли в Норвегии. Каково это работать с другими актерами в другой стране?

– Я поставил в Норвегии два спектакля и это был опыт другой культуры, другого отношения к театру. В русском театре нет границ временных, нет границ доверия режиссеру. Наша театральная реальность основана на том, что режиссер – учитель, он ведет актеров, и она прекрасна, эта особенность. В Норвегии ничего этого нет, но есть демократизм и общая ответственность за работу. У нас ответственность лежит целиком на режиссере. Там актер разделяет ее. В этих равных отношениях есть свой интерес и своя сила. Мне хотелось бы использовать такие отношения на русской сцене. Мне важно создать единую компанию, даже семью в каком-то смысле. Это возможно, если люди видят, что ты с ним честен.

– Можно ли назвать подобный подход залогом успеха?

– Да, конечно.

– Я слышал, вы работали в юности монтажником.

– В учебном театре на Моховой в Санкт-Петербурге. Я люблю все проявления театра – свет, звук, работу постановочного цеха. Это все важно и интересно.

– То есть можно сказать, что вы сделали головокружительную карьеру – от монтажника до одного из лучших режиссеров страны?

– Я все-таки надеюсь, что карьера еще не закончена (смеется).

– В социальных сетях есть сообщество ваших поклонников. Вы туда заглядываете?

– Нет. Мне это мешает, потому что на меня это действует, и может сбить меня, а я не хочу этого.

– А вот актеры любят заглядывать после спектакля в сеть.

– Знаете, самый страшный день для меня это спектакль «для пап и мам», когда на предварительный показ

Фото:

приходят друзья и родственники. Потом все начинают что-то советовать, а поскольку все это люди близкие, человек слушает. Я это вижу, когда мы репетируем на следующий день, как будто актеров подменили. Я отказался у себя в театре от этой практики. Мне она кажется вреднейшей в данной ситуации, это просто опасно для спектакля.

– Первый раз ваш спектакль «Три сестры» произвел на меня, скорее, негативное впечатление. Тогда я пошел еще раз – для чистоты эксперимента. И после второго раза он стал моим любимым. Вы закладываете какой-то механизм влияния на зрителя?

– Спектакли все разные, они как книги. Я себя несколько не сравниваю, но разве можно сказать, что «Идиот» Достоевского лучше чем «Бесы»? Понимать, что картина «Явление Христа народу» столь же значима, как «Черный квадрат» – главное качество зрителя и человека. Про механизмы... У меня есть задача стереть границу между сценой и зрительным залом, и часто я делаю это за счет погружения во время. Время позволяет тебе стать единым целым со сценой, перестать чувствовать, что вода горячая

или холодная, слиться с ней. Тогда ты начинаешь видеть то, что не видел, пока сопротивлялся. Мне просто кажется, что человек, приходя в театр, должен быть открытым, как-то доверять театру, что-ли. Я скажу про себя, если я что-то не понимаю в театре, который вижу, я считаю, что это моя проблема. Это позиция правильная, потому что продуктивная. Только тогда сценический текст откроется тебе.

– Вы часто говорите, что в своих спектаклях идете к тексту.

– Я бы сказал так: наша задача отойти от текста, чтобы к нему вернуться. Текст не самоцель, мне интересно найти с ним равные отношения. Не вредно иногда сказать, что это плохой текст, даже если это Шекспир. Критическое отношение к тексту важно для работы с текстом. Недоверие к тексту – важнейший элемент в моей работе. Иначе ты просто обслуживаешь его. Ты лишаешь его личностного присутствия, и театральная магия исчезает.

СМОТРЕТЬ

январь

6

«Бег» в театре им. Вахтангова

ПРЕМЬЕРА!

февраль

7, 18, 28

«Гамлет» в театре им. Ленсовета

февраль

21

«Барабаны в ночи», театр им. Пушкина

– В ваших спектаклях так много классной музыки, что нет сомнений – вы меломан. Что для вас рок-музыка?

– Я в свое время побывал на всех первых пяти рок-фестивалях, которые проходили в Петербурге, и был знаком с музыкантами – «Кино», например. Это конец 80-х, они тогда были боги. И вот это варево, которое тогда было в рок-клубе, эта атмосфера, они сильно на меня повлияли. Я до сих пор слушаю эту музыку.

– В рок-музыке тоже ведь все строится на открытости и доверии...

– Более того, когда я что-то делаю, я для себя могу сформулировать: вот этот эпизод, это «рок-концерт», а вот этот актер после спектакля должен стать рок-звездой.

– Из чего «слепляются» ваши спектакли? Есть ли «вот это я увидел», «услышал», «приснилось»?

– «Здесь у меня идет рок-концерт»? – Для понимания текста очень важно иметь некий манок, услышать звук, который может дать тебе правильное его понимание. Но самое слож-

1. Юрий Бутусов на поклонях с артистами театра им. Ленсовета

2. Т. Трибунцев в роли Андреаса («Барабаны в ночи»)

3. Л. Пицхелаури в роли леди Макбет («Макбет. Кино.»)

ное в этой истории, что ты сам должен дать ответ на вопрос: какой звук является необходимым. Никто не может тебе подсказать это, кроме твоей интуиции. Важно как я вижу сцену, ее звучание – цветное, черно-белое, зеленое... Это все вещи эмоциональные, но они помогают строить спектакль.

– Вы обращаетесь то к Чехову, то к Шекспиру, то к Брехту, то снова к Чехову. Как вы для себя объясняете возникновение того или иного автора в своей жизни – это время диктует?

– Тут многое должно совпасть, и то, что за окном, и актерский состав, и мое настроение. Когда ты учишься, ты читаешь пьесы, и все они откладываются в тебе как в библиотеке. А когда внешние факторы совпадают, они вызывают эту пьесу. Есть еще интерес... мне интересно просто разбираться с Шекспиром! Ставишь один раз, потом ставишь другую пьесу, что-то не получилось, снова попытка. И постепенно ты понимаешь в Шекспире еще что-то.

«Я перестал употреблять для себя слово «характер»

- *То есть вы изучаете его таким образом?*
- Я изучаю мир Шекспира и то, как я с ним соотношусь, и соотношусь ли вообще. Потом вдруг возникает Брехт. Ну, что значит «вдруг»? «Барабаны в ночи» я прочитал, когда мне было 17 лет, но только в прошлом году поставил. Меня, помню, тогда поразила ремарка у него: «Жрут». Я был ошарашен, ведь это было советское время. Кругом спектакли на производственные темы. И вдруг «Жрут». Как это может быть?
- *Эта ремарка у вас даже вынесена на сцену.*
- Или мир Ибсена, например. Мне кажется, ставя таких авторов, мы становимся лучше и чище. Что бы был мир без Шекспира?
- *...многие считают, что его не было.*
- Я верю, что он был, это неоспоримая для меня истина. И знаете, почему? Потому что понимание того, что человек может стать космосом, дает мне силы, и это важнее, чем любые сомнения или гипотезы.
- *Насколько для вас важно, чтобы актер внутренне совпал с героем, был ему близок?*
- Я думаю, есть два пути. Один вариант – это когда актер шкурой понимает героя. Или ты ставишь задачу другую, взять актера, который совсем далек от героя. И вот эта разница иногда может дать колоссальный результат. Движение в сторону героя может высечь невероятные искры, но в обоих случаях меня прежде всего интересует личность актера, который это делает. Не характер персонажа, а личность. Я давно перестал употреблять для себя слово «характер». Открытие личности – самая важная задача театра.
- *Я часто ловлю себя на том, что во время вашего спектакля думаю о чем-то своем...*
- Хорошо, что вы это говорите, потому что мне самому это очень важно. Когда я погружаюсь «в параллель» спектаклю, я начинаю думать свои думы. И в своих спектаклях к этому стремлюсь. Чтобы во время спектакля зритель задумывался о себе. Когда со мной это происходит на чужих спектаклях, я бываю счастлив.
- *Можно ли сказать, что ваши спектакли это такая форма освобождения? Для зрителя, для актера. Для вас самого?*
- Не знаю, освобождение ли это? Наверное. Просто нужно погрузиться в себя. Нужно, наконец, начать заниматься тем, что у тебя внутри. Перестать суетиться. Для меня театр – это место абсолютной свободы.

1. А. Новиков в роли Войницкого и С. Мигицо в роли Серебрякова («Дядя Ваня», театр им. Ленсовета)

2. Л. Пицхелаури в роли леди Макбет и В. Куликов в роли Дункана («Макбет. Кино.»)

3. Сцена из спектакля «Бег» (театр им. Вахтангова)